Сегодня выходной день

САТИРИЧЕСКИЕ СЦЕНКИ

В столовой № 1 курского узлового отдела рабочего снабжения Московско-Курской железной дороги почти ежедневно разыгрываются драматические сценки. Об одной из них сообщил в «Курскую правду» рабкор т. Салтанов Н. А.

Сценка может быть поставлена без труда в любом рабочем клубе. Декорация несложная. В помещении столовой грязь. На столах не убрано. Официанты в грязных халатах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В один из последних тихих, прекрасных майских вечеров, зашло в столовую несколько бодрых и жизнерадостных людей—закусить. Сели за стол в хорошем расположении духа. Но вот к столу подошла официантка Журавлева.

Посетители (хором):—Что у вас сегодня приготовлено?

Официантка:—Котлеты из соленого мяса, суп вермишельный — стандартный. Остальное все вышло.

Посетители:—А из порционных блюд что можно заказать?

Официантка:—Я не понимаю, что такое порционное блюдо.

Посетители:—Пригласите заведующего столовой.

Официантка:—Уехал домой, да он вообще в столовой редко бывает.

Посетители:—Пригласите дежурного повара.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Те же и дежурный повар.

Посетители:—Товарищ повар, что у вас можно приготовить из продуктов, которые на кухне имеются?

Повар Савельев:—Котлеты из соленого мяса, суп вермишельный—стандартный...

Посетители (в отчаянии):—А на завтра что вы будете готовить?

Повар:—Опять эти котлеты и этот суп.

Посетители:—А что, у вас всегда бывает так?

Повар:—В большинстве случаев. Продуктов не дают. Готовить не из чего. Зав. столовой Маяков и начальник отдела рабочего снабжения Евтушенко пренебрегают общественным питанием.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и кладовщик.

Посетители: — Есть ли что-нибудь в вашей кладовой для порционного блюда?

Кладовщик Чуйкевич: — Есть рыба свежая и яйца.

Посетители (заметно повеселев): — Нельзя ли из имеющихся продуктов приготовить две порции жареной рыбы и две порции омлета?

Кладовщик:—Можно отпустить.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Во время приготовления порционных блюд в столовую зашел извещенный кем-то начальник отдела рабочего снабжения Евтушенко, которому доложили о требованиях настойчивых посетителей.

Евтушенко (принимая грозную позу): — Кто требует порционное блюдо? Что это за неуместное требование?

Посетители:—Товарищ начальник, у вас в столовой нечего поесть, кроме котлет из соленого мяса и супа вермишельного—стандартного.

Евтушенко:—Нет у меня ничего. Ни свежего мяса, ни рыбы для вас еще не купили. Что есть, то и ешьте. И прошу такие требования больше не пред'являть (уходит).

* * *

Кто же напишет пятое действие к этим невеселым сценкам?

В. ДОБРОХОТОВ.

СПОР
(РАССКАЗ)

Мать вернулась с родительского собрания возбужденная, какая-то странная. Она, не раздеваясь, села на стул, хотела что-то сказать и... заплакала.

— Ты чего, мама? испуганно спросил ее старший сын Андрей.

— Андрюша! на собрании... сказали..., сказали... что ты лучший ученик...

— Так чего же ты плачешь? Радоваться нужно,—сказала бабушка.

— Я и радуюсь,—ответила мать и опять заплакала.

— Ох, уж эти мне мамы! — пошутил Андрей.—Плохо учишься—плачут, хорошо—тоже плачут...

— Андрюша,—сказала, немного успокоившись, мама.—Я тебя очень прошу, сдай, дорогой, испытания на «отлично». На собрании говорили, что отличников будут принимать в вуз без экзаменов

— Постараюсь, мама...

— Только постарайся, я тебе тогда такой подарок приготовлю! Такой подарок.

— Андрей,—зашептал младший Вовка,—проси сейчас же коробку пирожных, а то обманет, я уже знаю...

На шум из другой комнаты вышел отец.

— Что это у вас тут за конференция?—пошутил он.

Ему рассказали в чем дело. Отец похлопал по плечу сына и сказал:

— Постарайся... Ты должен стать инженером.

— Почему же инженером?—возразила мать,—я хочу, чтобы он стал архитектором.—Архитекторы в наше время нарасхват.

— А инженеры?—изумился отец.—Да на кого же сейчас и спрос, как только не на инженеров!

— Нет уж извините, самый большой сейчас спрос на педагогов, — вмешалась сестра Надя.

— Знаешь, Андрюша, что я тебе посоветую,—подала свой голос бабушка,—иди на доктора. В нашей поликлинике то глазника нехватает, то ушника. Иди обязательно на доктора, тогда я буду лечиться без очереди.

— Андрей,—опять зашептал Вовка, — не слушай их всех, иди в летчики, меня на аэроплане катать будешь.

— Нет, нет,—нервничала мать,—я все-таки, хочу видеть своего сына архитектором. У нас так уважают архитектора.

— А инженера?
— А педагога?
— А врача?
— А летчика?

Хором запротестовали отец, бабушка, Надя и Вовка.

Все зашумели, заспорили, каждый приводил уйму доказательств, называл десятки известных имен лучших инженеров, педагогов, врачей, летчиков.

А Андрей улыбался и думал.

— И чего спорят? Куда б не пошел—семафор в будущее открыт.

ИВАНОВА.

М. КОРНЕЕВ.

ПИСЬМО

Пусть сегодня тебе приснится
Ветровой дремучий напев.
Ночь.
Дыхание сопок.
Граница.
Теплый след на таежной тропе.
Остывает след на снегу.
Ожидает тайга пургу.
За звездой, что на шлеме моем,
В поднебесьи—
Вдвоем,
Втроем —
Добровольцы—звезды бегут
Наперерез врагу.
Вкруг меня — сторона лесная.
Все — хвоя —
Ни берез, ни дубов.
Я одну теперь только знаю
Боевую к отчизне любовь.
Мне в тревожную темь она—светом.
Я пред нею душой не кривил.
Вкруг меня территория этой
Неделимой моей любви.
Здесь должна быть за мною победа.
Моя злоба, как порох суха.
Я бегу по горячему следу.
За тяжелым дыханьем врага.
Он тайгою кружил по-волчьи,
Укрываясь в проклятых углах,
Чтобы ты никакою ночью,
Дорогая, уснуть не могла.
Он лежит, неудачный вояка,
На шершавой коре снеговой.
Так же замертво ляжет всякий,
Кто делами похож на него.
Я к нему подбегаю, сутулясь.
Наклоняюсь.
В плече горячо.
Мне его японская пуля
Налету зацепила плечо.
Я хочу, как винтовкой и саблей,
Научиться владеть собой.
Я прохладною тонкою марлей
Бинтую наглухо боль.
Очень точен параграф устава.
Незабвенны простые слова.
Через час я буду в заставе
Командиру рапортовать.

* * *

Тает на сопках снег,
Обнажая весне траву.
Пусть приснится тебе во сне
То, что было со мной наяву.

Г. Белгород.

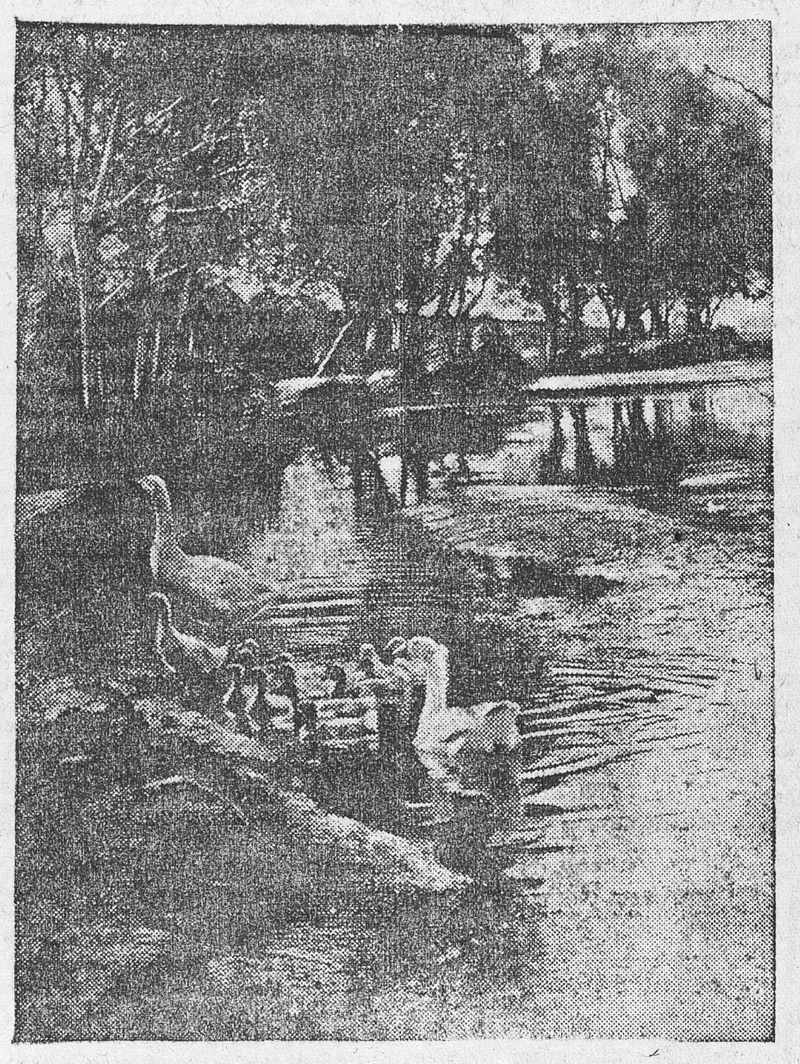

Фото-этюд ГОВОРОВА.

ЗА РУБЕЖОМ

ПРОБЛЕСК НАДЕЖДЫ
(Из польской газеты)

Пан Марцели сорвал листок с календаря и, обернувшись к жене, воскликнул:

— Как время летит! Уже март на исходе!

— Ну, конечно,—поддакнула супруга.—А нам предстоит столько расходов! Скоро весна, праздники...

— Да не в расходах дело. Каждый год то же самое, а все же мы справляемся. Даст бог, и теперь как-нибудь вывернемся. Плохи дела с Юркой.

— А что?

— Скоро пролетит апрель, а в начале мая мальчик кончает гимназию. Ну, получит он аттестат зрелости, а дальше что?

— Ты ведь хотел, чтобы он стал доктором.

— Да, раньше я так думал, но теперь об этом и речи не может быть. Кого он будет лечить? Нас с тобой? Теперь люди лечатся в городских больницах или у знахарей.

— Это верно. Но может быть мальчик хочет стать адвокатом?

— Сомневаюсь, теперь это не дает хлеба.

— Тогда инженером?

— Оставь! Тоже идея! Ты, вероятно, забыла, что мы говорим о родном сыне?

— Почему?

— Потому что ты не могла бы ему пожелать, чтобы несколько лет он корпел в политехникуме, а потом тщетно искал работы или, в лучшем случае, устанавливал у кого-нибудь антенны на крышах. Неужели тебе не жаль Юрика?

— Как ты можешь так говорить? Может быть, он сам подскажет.

— Я знаю, что его интересует спорт, но сейчас это может быть только развлечением.

— Правда, но что же ты решаешь?

— Понятия не имею

Супруга, подумав с минуту, сказала:

— Но может быть ты напрасно огорчаешься?

— А что?

— Юрочка говорил мне, что ему грозит двойка по математике, так что может быть он провалится на экзамене.

— Пан Марцели возразил с горькой усмешкой:

— Действительно, это единственный проблеск надежды, но и он нас обманет, мальчик все-таки получит аттестат. А тогда что?..

ХРОНИКА

По совету врачей, следящих за состоянием здоровья 97-летнего Джона Рокфеллера (американский миллиардер) и оберегающих его от всяких неприятных известий, для престарелого миллиардера начали выпускать специальный номер газеты, по виду и формату ничем не отличающийся от «Нью-Иорк таймс». Номер наполнен оптимистическими статьями и телеграммами, сообщающими, что повсюду царят мир и спокойствие. Газета регулярно сообщает, что экономическая депрессия окончилась, что безработных больше нет, что все народы живут в мире, что «коммунизм в СССР принял формы американизма», что найден способ излечивать рак и т. д.

МУЗКОМЕДИЯ

„СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА"

«Сорочинская ярмарка» является пожалуй наиболее благодарной вещью для творческих возможностей Харьковского государственного театра музыкальной комедии. Постановщики создали яркий художественный музыкальный спектакль, тепло встреченный курскими зрителями. Украинский колорит гоголевского произведения сохранен и развит культурной игрой артистов, национальными костюмами, массовыми народными танцами, хорошей музыкой.

Музыка А. Рябова проникнута национальными народными украинскими мотивами и в соединение с классическим языком Гоголя просто и художественно-убедительно передает национальный юмор «Сорочинской ярмарки».

В центре спектакля артист Д. Васильчиков. Созданный им образ Солопия Черевика—самый сильный, четкий и правдивый. У Васильчикова продумана вся роль.

Детали грима и костюма прекрасно гармонируют со всеми движениями добродушного, доверчивого и суеверного героя «Сорочинской ярмарки».

Черевик хорошо передается Васильчиковым и в балетных номерах.

Неугомонная Хивря распекает своего муженька Солопия, «который привык уж издавна к подобным явлениям, сохранял упорное молчание и хладнокровно принимал мятежные речи разгневанной супруги» (Гоголь).

Артистка Попова метко передает образ сварливой, бойкой Хивриси. Сметливая торговка, неугомонная мачеха, «гроза» Сорочинской ярмарки — Хивря, непрочь отвести душу с Афанасием Ивановичем. В сцене свидания с поповичем хорошо даны чревоугодие и сластолюбие поповского сынка и мнимая жеманность искушенной в любовных утехах Хиври Черевички.

Парася Черевик—полная противоположность своей мачехи. Артистка Добровольская удачно подчеркивает отцовские черты Параси, ее чувства к Грицко проникнуты мягкостью, боязливостью и непосредственностью.

Добрый «парубок» Гриця (артист Павлусенко) влюблен в Парасю. Гриця остается верным себе и своему чувству и в сценах сидания с Парасей, и в картинах заговора с цыганом Хвенько, и в диалогах с супругами Черевиками. У Павлусенко прекрасный голос. Свою роль он ведет просто, без всякой надуманности.

Артист Лойко играет цыгана Хвенько смело и уверенно. Танец цыган особенно удался ансамблю; балет прекрасно передает национальные черты цыганских танцев.

Правильно понял свою роль артист Истомин. Созданный им образ заседателя оставляет сильное впечатление своей удачной художественной трактовкой царского взяточника и самодура.

Артист Иванов (роль Цыбули мещанина) хорошо дополняет своего кума Солопия Черевика. Особенно удались Иванову сцены в избе Солопия и обнаружение покражи денег на ярмарке.

«Сорочинская ярмарка» — хороший, культурный, художественный спектакль.

ЗРИТЕЛЬ.

М. КИРЕЕВ.

НАТАША

— Наташа... доченька...

Лукерья Ильинична неумело берет телефонную трубку, изношенные пальцы дрожат, в глазах—озабоченность, счастливое удивление.

— ...ты слышишь, доченька? Это я, мать... Ильинишна... Здравствуй, милая!

Она сбивает на плечи серый, в бисеринках дождя, платок, не пускает рукавом набежавшую из сердца слезу.

— ...говори, говори, все слышу. Ах, Наташенька!

В металлической коробке шумит издалека теплый ветерок родного голоса. Она крепче прижимает трубку к своей обнаженной седеющей голове, отвечает горячим дыханием, растроганной мокрой улыбкой.

— ...мама, я разговаривала со Сталиным... Он такой простой, такой внимательный, товарищ Сталин!

— Слышу, слышу, доченька!

— ...все интересовался, как живем... О колхозах, про урожайность расспрашивал... Всем интересуется...

На морщинистом лице Лукерьи Ильиничны проступает румянец. Она принижает губами к ясному кружечку телефонной трубки и не знает, что сказать.

— Дорогой ты наш товарищ Сталин!.. Наташенька, так и передай... Спасибо тебе, товарищ Сталин... Ото всех наших деревенских женщин... Слышишь, дочка?.. Побольше тебе здоровьица, товарищ Сталин!.. А ты, милая, приезжай поскорей, дюже хочется поглядеть на тебя... Тут собрались подружки. Троша стоит. Хочет поговорить с тобою... Ах, дочка, дочка!

Уставшая от незнакомой радости, она опускается на диван. Телефоном завладели девчата.

— Москва, Москва! — ой, рады, как мы рады за тебя, Наташка!—кричит звонкий голос Хариной Нюры.

— ...а что ты обещала товарищу Сталину? Семьсот? Молодец, Наташа! Дадим семьсот центнеров! Уж ты не сумлевайся!

Трубка у Шебалиной Лизы. Тоже несколько раз называет Москву—громко, с горделивым щегольством.

— Поздравляю тебя, Наташа, с такой великой наградой... Орден Ленина! Мы тут прямо скачем от счастья...

Светло горит электричество. На коврах толпятся девчата. Секретарь райкома по-свойски трясет руку. Москва... Ленин... Сталин и... Наташа!—Лукерья Ильинична матерински-ласково глядит вокруг, силясь понять, как случилась эта нечаянная радость.

Окна черны, должно быть, плохая погода. Виднеются крохотные огоньки деревень. В потемках — через овраги, перелески — пробирается кривая дорога. Деревня Нижние Пены — колхоз имени Калинина—на тридцатой версте. Осенний ветер шумит ракитами, загребает в поле обвялшие свекольные листья. Холодное, с грязцою поле, свеколка и... Москва! Ах, дочка, дочка!—Лукерья Ильинична удивленно качает головой.

— Москва, Москва!—над телефоном склонился Трофим.—Здравствуй, дорогая Наташа! Весь колхоз и я, конечно, не нарадуемся твоей награде. Вся Курская область гордится тобою... Да, да! Смотри там, не зазнавайся!—Трофим весело смеется в телефонную трубку, потом прислушивается, взгляд его становится серьезным.—Передай, Наташа, Сталину и Ворошилову мой привет! Скажи им, что муж только вчера вернулся из Красной армии...

Снова зазвенел телефон.

Радостные слова побежали по проводам.

* * *

Из кабинета вышли на улицу. Ночь, немного звезд, гудят провода. Разговор с Москвою окончен. Ильинична и в темноте несет тихую улыбку. Трофим, Наташины подруги, секретарь райкома—как заботливые дети.

Постучались в какой-то дом. Приветливые люди накрыли столы. За ужином у ней спросили: давно ли была в Ракитном?

— Ни разу. Сейчас вот впервые.

Все посмотрели на ее седину, морщины—удивились. Как же так?

— При старой жизни нам незачем было сюда ездить. Богатеи соберутся на базар и жены с ними ввязываются: следить, кабы лишнее не пропили. А нам зачем было ехать? Горя и у себя дома хватало.

То один потчует, то другой:

— Кушай, кушай, Лукерья Ильинична. Ведь первый раз у нас в гостях!

И каждый норовит что-нибудь узнать про жизнь Наташи.

Жизнь, жизнь! Неважно началась она у дочки... Под окнами сугробы. В хате, на прелых стенах—сверкающая изморозь и черная, чернильно-черная копоть. Болтается колыбель из лубка и соломы. Ослабевшая от родов баба кутает ребенка в тряпки, в хлопочки, прижимает к груди. Ребенок совсем посинел. Выживет ли? «Бог дал, бог и возьмет,—обнадеживают соседки,—если б мальчик, а по девочке чего убиваться. Какая она невеста при вашем достатке?» В хате полумрак и застарелый запах бедности. Поскрипывает колыбель, вздыхают соседки. «Бог дал, бог и возьмет»,—думает баба и крепче прижимает к сердцу коченеющую крикунью. А мужик ходит по дворам...

— Натерпелся тогда горя мой Стефаныч! Ох, и натерпелся!—рассказывает Ильинична,—слоняется из двора во двор, никто не идет крестить Наташку...

Кое-как нашел мужик плохонькиx куму и кума, собрал гривенники для попа. Окунули девчонку в купель—в чадной избенке церковного сторожа, выпили по стакану горькой. «Расти, невеста, на свадьбе погуляем»—хихикнул захмелевший кум и сам не поверил своим словам,—поди-ка—вырасти!.. А Наташка росла. В соломе, в копоти, в холоде, в жаре, с кислою соскою—а росла. Росла и пугалась людей.

— Особенно боялась старосты Прокофия Ивановича,—рассказывает Ильинична,—жили мы бедно, а подати на нас большие накладывали. Вот Прокофий Иванович каждый день и приходил. Ввалится пьяный в хату, обопрется о притолку и начнет кричать: «Эй, вы, голь перекатная! Будете платить царю али нет?» Кричит, а сам медаль на груди выставляет—для страху. Оглядится—никого в хате, только стоит на скамейке девченочка-ребенок. Вылупит на нее бельма Прокофий Иванович и кричит: «Будете царю платить али нет? Выселю, распродам, в каторгу загоню!» Наташа пятится в угол и голосит. Хаты своей стала бояться...

Дрогнула ложка в руке Ильиничны. О чем еще рассказать? Радости не было, а горе—оно одинаковое. И всего не перескажешь... Вот рассыпалась по жаркому полю отара овец. Стукаются лбами бараны, зовут маток игруны-ягнята, цветут васильки во ржи. Тоненьким голоском поет девочка-пастушонок. Светит солнышко—она и поет. Не заметила, как убежали на чечевичное поле самые шустрые и крикливые. За ними хлынула вся отара. Девченка размахивает хворостиной, впивается пальцами в густую овечью шубу, мечется из стороны в сторону, осипла от крика, задохнулась. С бугра бежит какой-то мужик, грозится кнутом. А над бугром зашла туча—грозится молниями. Ругается мужик, громыхает небо... Какими словами расскажешь о страданиях восьмилетней батрачки? Как наяву видит Ильинична—босые ножонки в цыпках, простудные болячки на худеньком лице, холщевую пастушескую сумку за узкой спиной. «Эх ты, жаворонок!»—посмеется бывало над Наташкой дедушка Василий. Посмеется и пожалеет. То на рожке ей что-нибудь сыграет, то сказку расскажет. Будто бы давным-давно, когда еще «горел пожар московский», тут проходили басурманские солдаты. Много везли золота и всякого добра. Одну бочку зарыли в ракитянской земле. Если хорошенько помолиться, да поговеть, да покрепче постучать лопатой в землю—можно взять золотой клад...

Не скупился дедушка на чудесные сказки, а эта была лучше всех. Слушала Наташка и удивлялась: почему же не дается клад? Все в деревне и молятся, и постятся, стучат в землю сошниками на своих загонах, лопатами на погосте,—почему же не дается клад? Хоть бы один золотой блеснул под ногами!

Клял свою судьбу, выбивался из сил Наташкин отец Федор Стефанович. Вдали, на раздольи большака, заливалась колокольцами вороная тройка князя Юсупова. Проходили голодные, трескучие зимы, проходили засушливые лета. Дни, недели, месяцы—как вереницы постылых нищих...

Гостья в незнакомом доме, среди ласковых, внимательных людей, с сердцем, переполненным радостью, Ильинична перебирает в памяти Наташину жизнь, но больше думает, чем рассказывает.

— Счастливая вы, мамаша,—говорит ей то один, то другой,—Наталью Федоровну сам товарищ Сталин похвалил, вся Москва оказывала нашим героиням честь!

Так расхваливают Наташу, будто нашла она тот боченок с золотом, о котором сказывал дедушка Василий.

— 540 центнеров!—чаще всего слышится в разговоре. Значит, и свекла теперь не хуже золотого клада. Вон куда вознесла она Наташу!

Долго не могла уснуть в ту ночь Ильинична, перебирая в памяти свою жизнь—по дням и годам. В ушах играли телефонные звонки, слышался веселый голос дочери...

Глава из очерка о Наталье Дадыкиной, вошедшего в книгу «Племя славных» — об орденоносцах Курской области. Книга в скором времени выходит из печати.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ ПРОВЕЛИ В ЛЕСУ

В выходной день, 10 мая, комсомольцы села Шахова, Белонихинского района, организовали массовое гулянье в лесу. В массовке участвовало больше 150 человек трудящихся районного центра.

В программе гулянья были танцы, катанье на велосипедах, читках художественной литературы, коллективные игры. Ивановское сельпо организовало в лесу передвижной буфет с газированными водами и и холодными закусками.

Вечером в районном клубе была поставлена украинская пьеса «Сватання на Гончаривци».

А. ПЯТАКОВ.

НА СТАДИОН НЕТ ДЕНЕГ

ЛАЧИНОВО. **(Наш корреспондент).** Скучно проходят выходные дни в Октябрьском районе. До настоящего времени не организован стадион, нет садов и физкультурных площадок.

Секретарь райсовета физкультуры Изотов составляет планы, чертежи, сметы. Все это он носит в райисполком и просит отпустить средства на постройку физкультурного городка. Но денег не дают.

Ни профсоюз, ни комсомол не пытаются организовать культурный отдых трудящихся.

И. ЛИТВИНОВ.